

КОЧЕВНИКИ ТУРКЕСТАНА В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ССЫЛКИ ПРИ ЦАРИЗМЕ (ПО АРХИВНЫМ И ПРАВОВЫМ МАТЕРИАЛАМ)

В.П. Литвинов

На основе анализа архивных и правовых материалов определено место кочевого населения в системе административной ссылки при царской власти в Туркестане.

Ключевые слова: кочевники; царизм; административная ссылка; Туркестан.

Мы неоднократно обращались к вопросу о применении царизмом административной ссылки по отношению к мусульманскому населению Туркестана¹. Но, во-первых, при этом мы не раз-

¹ См., напр.: Военная бюрократия и административная ссылка в Туркестанском крае (по архивным и правовым материалам) // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: Материалы XII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 29–30 мая 2008 г. М., 2008. С. 265–271; Институт административной ссылки на национальных окраинах царской России: Туркестанский край (по архивным и правовым материалам) // Материалы науч.-практ. конф. юрид. факультета Елецкого гос. ун-та им. И.А. Бунина. Ч. 1. Вып. 9. Елец, 2008. С. 65–72; Царизм и административная ссылка в Русском Туркестане (по архивным и правовым материалам) // Вестник Елецкого государственного университета. Сер. Право. Вып. 19. Елец, 2008. С. 38–45; и др.

деляли его по хозяйственно-культурному признаку, тогда как любой, кто знаком с историей региона, знает, что при формировании экономической, административной, религиозной и иной политики царизм всегда исходил из специфики деления населения на “киргизов” (кочевников) и “сартов” (оседлых), причем одни и те же властные меры имели разную рефлексию в их среде. Например, властей мало беспокоила исламская религиозность номадов, зато таковая у “сартов” их весьма тревожила. Соответственно, и их отношение к исламу среди указанных категорий туркестанского населения было разным. Во-вторых, мы рассматривали проблему применения царизмом административной ссылки к населению именно Туркестанского края (генерал-губернаторства). Безусловно, мы отмечали, что с 1882 по 1899 г. Семиреченская область, в которую входили северные и центральные районы со-

временного Кыргызстана, находилась в ведении Степного генерал-губернаторства (края). Непременно подчеркивалось и то, что два указанных административно-территориальных образования имели разную подчиненность – военное министерство и МВД. Понятно, что это не могло не сказываться на функционировании всех системных институтов царизма, в том числе и административной ссылки. Мы всегда отмечали и факт возвращения Семиреченской области в состав Туркестанского края, подчеркивая при этом, что она, тем не менее, вплоть до 1917 г. продолжала управляться на основании “Степного положения” от 25 марта 1891 г. Именно это обстоятельство определило то, что в данной статье объектом рассмотрения становится не именно Туркестанский край (генерал-губернаторство), а Туркестан (“Страна тюрков”) как регион, включавший в себя и территории, населенные тюркоязычными казахами, бытующими преимущественно в Степном генерал-губернаторстве (крае). На наш взгляд, такой подход является правомерным, поскольку он учитывает не только факторы административно-территориальной общности (пусть и временной – 1882–1899 гг.), правовой (управление в 1891–1917 гг. на основе одного и того же правительственного положения), но более – общности исторических судеб двух великих народов Центральной Азии, имевших между собой гораздо больше черт сходства, нежели различий.

Первыми из кочевников Туркестана с царской административной ссылкой столкнулись казахи. Произошло это в 1820-х гг., поскольку до этого в Казахской степи, присоединенной к Российской империи, сохранялось автономное ханское правление со всеми вытекающими из этого последствиями. Исследователи Н.Е. Бекмаханова и Н.Б. Нарбаев пишут о том, что в результате царистских реформ 1830–1860-х гг. в Казахской степи “большие изменения наметились и в судебной системе. Все крупные дела перешли в ведение военных судов или Пограничной комиссии. Только незначительные преступления могли разбирать по народным обычаям. Царская администрация стремилась превратить органы местной власти, в том числе и суды биев (по обычному праву казахов – *В.Л.*), в карательные полицейские органы. Им были предоставлены

полномочия заключать под стражу, наказывать розгами, *ссылать в Сибирь на поселение*”¹ (курсив наш – *В.Л.*). Несмотря на то что к ссылке казахов приговаривали их собственные суды, формально она не считалась судебной, так как такие решения судов нуждались в утверждении царскими властями, после чего они отправляли приговоренных в Сибирь, но уже на основании своих административных актов. Поэтому такого рода ссылку иначе, как *административной*, назвать нельзя. Вместе с тем в большинстве случаев царские власти санкционировали решения судов казахских биев о ссылке, не вникая в подробности дел, что имело негативные последствия, поскольку “битном”² был выборным и победившие на выборах судей роды (или племена) использовали их для расправы со своими противниками путем их высылки в Сибирь с тем, чтобы они не мешали им управлять и судить, как заблагорассудится. Это обстоятельство было учтено законодателем и в правительственном акте 1868 г. об управлении “степными” областями, положение о праве народных судов (биев) приговаривать номадов к ссылке уже не фигурирует³. Между тем, в проект “Временного положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями” 1867 г., не получившего законодательного утверждения, но введенного в действие по личному распоряжению императора Александра II, такая норма была включена, но только для эксклюзивных случаев. Она гласила: “По народным обычаям, у киргизов полагается за убийство уплата убийцей куна, то есть вознаграждения семейству или родственникам убитого в определенном биями размере. Для предотвращения возможности богатым, пользуясь материальным благосостоянием, совершать убийства из лич-

¹ Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 58.

² Так номады Туркестана называли свой суд по обычному праву (адату) – прим. авт.

³ См.: Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров “Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях”. 21 октября 1868 года // Полн. собр. зак. Рос. империи (далее: ПСЗРИ – *В.Л.*). Собр. 2. Т. 43. Отд. 1, 2. 1868 г. СПб., 1873. №46581. С. 545–548

ной ненависти, предоставляется народному суду право приговаривать виновных сверх куна – если будет признано нужным – к высылке в Сибирь, на поселение”. При этом подчеркивалось, что “приговоры эти приводятся в исполнение не иначе, как с утверждения генерал-губернатора”¹. Таким образом, и в данном случае ссылка не была утверждена судебной властью, поскольку она осуществлялась в административном порядке.

Первому туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману не нравилось ограничение его права на ссылку кочевников лишь делами об убийстве, которые часто решались сторонами без участия суда и, тем более, русской администрации. Ему хотелось получить право удалять из вверенного ему края вообще всех неугодных власти “туземцев”. Он заложил такую норму в проект “Положения об управлении Туркестанским краем” 1871 г., §11 которого давал право туркестанскому генерал-губернатору, “признавая пребывание какого-то лица в Туркестанском крае вредным, высылать его из пределов края”, причем “никакие места и лица и даже Правительствующий Сенат не только не входит, но и вообще не приемлет к своему рассмотрению все жалобы на удаление из края лиц по власти, Главному Управлению предоставленной”. Более того, §12 проекта гласил: “Генерал-губернатор волен собственной властью выслать административным порядком всякое лицо, не состоящее на государственной службе, под присмотр полиции во всякую часть генерал-губернаторства по своему усмотрению. Ему же предоставляется право передоверить эту власть губернаторам, в пределах их областей и уездным начальникам в пределах их уездов”². Здесь представляется любопытным то, что, по смыслу этого параграфа, Кауфман мог высылать любого неугодного ему и властям человека, в том числе и русского. Как известно, этот проект не

был одобрен правительством. В 1873 г. Кауфман представил новый проект “Туркестанского положения”, в котором он, однако, был явно “скромнее” по этой части – о праве генерал-губернатора на административную ссылку указывала лишь статья 21-я, гласившая: “Генерал-губернатор, в случае политической неблагонадежности туземцев по таким их деяниям, которые не могут быть доказаны судом, высылает этих людей административным порядком в отдаленные места империи на срок по его усмотрению”³. Все “заинтересованные” (связанные с Туркестаном) министерства образовали комиссии для обсуждения указанного документа и вновь не одобрили его. Безусловно, было высказано негативное мнение о предоставлении ему права административной ссылки коренных жителей края. Так, комиссия Министерства финансов, указав, что понятие “политической благонадежности” туземцев – очень сложное, поскольку у них совсем иные условия жизни и взгляды”, отвергла 21 статью проекта, в которой туркестанскому генерал-губернатору давалось право высылать из края неугодных “туземцев”⁴. Борьба по рассматриваемому вопросу продолжалась, но право на административную ссылку туркестанские генерал-губернаторы получили только в 1886 г., после утверждения императором Александром III нового правительственного положения об управлении краем. Статья 15 последнего указывала: “Генерал-губернатору предоставляется высылать вредных, по политической неблагонадежности, туземцев в назначенные по соглашению с министром внутренних дел, местности империи, на срок не свыше пяти лет. О каждом таком распоряжении генерал-губернатор доводит до сведения министров военного и внутренних дел, с подробным объяснением причин, побудивших

¹ Временное Положение об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей. СПб., 1867. §133. Прим. 2 (название дается строго по источнику – В.Л.).

² Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 37 (Горный департамент), оп. 53, д. 815-С; Положением об управлении Туркестанским краем (3 нояб. 1871 – 17 марта 1872), л. 5.

³ РГИА, ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов), оп. 21, д. 230 По сообщенному г. военным министром Проекту Положения об управлении Туркестанским краем: о назначении члена от Министерства финансов в Комиссию для рассмотрения проекта, л. 20.

⁴ Архив Государственного Исторического музея (АГИМ), ф. 208 (Черняев Михаил Григорьевич), оп. 1, д. 11 Проект Положения об управлении Туркестанским краем (1873–1874 гг.), л. 61об.

его принять эту меру”¹. Однако такое решение “центра” оказалось далеко небеспроблемным, о чем мы еще скажем ниже.

Любопытно, что из опыта предоставления народным судам биев права принимать решения о ссылке соплеменников в Сибирь царские власти не извлекли никакого позитивного вывода, так как в “Положении об управлении Туркестанским краем” от 12 июня 1886 г. снова была заложена такая норма, в том числе и об утверждении соответствующих приговоров народных судов высшей властью в крае – генерал-губернатором². Нам отчасти приходилось писать об этом³. Однако считаем излишним отметить, что негативные последствия такой правовой нормы не замедлили сказаться фактически сразу же, но на ее устранение у туркестанских властей ушло целых два года переписки со всеми “заинтересованными” центральными ведомствами, сохранившейся в довольно объемном архивном деле⁴. В итоге здравый смысл победил и в 1888 г. законодатель убрал указанную норму из “Туркестанского положения”⁵. Этот пример весьма показателен в том плане, что царизм в своем управлении Туркестаном не раз, образно говоря, наступал на одни и те же грабли.

Специалистам известно, что после образования Степного края (генерал-губернаторства) в 1882 г., в Семиреченской области, введенной

в его состав в том же году, продолжал действовать проект “Туркестанского положения” 1867 г. В двух других областях Степного края – Акмолинской и Семипалатинской применялось “Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях” от 21 октября 1868 г., о котором мы упоминали выше. 25 марта 1891 г. император Александр III утвердил “Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями”, которое тогда называли “Степным положением”. В этом правовом акте вопросу об административной ссылке была посвящена статья 17-я, гласившая: “Генерал-губернатору предоставляется высылать вредных, по политической неблагонадежности, инородцев в назначенные по соглашению с министром внутренних дел, местности империи на срок не свыше пяти лет. О каждом таком распоряжении генерал-губернатор доводит до сведения министра внутренних дел, с подробным объяснением причин, побудивших его принять эту меру”⁶.

Совершенно очевидно, что содержание этой статьи фактически повторяло таковую из “Туркестанского положения” 1886 г., как, впрочем, и многое иное в “Степном положении” 1891 г., что специально отмечалось в “Указе о введении в действие Положения об управлении Степными областями и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанским краем”, изданного Правительствующим Сенатом в мае 1891 г.⁷ Следует отметить, что после вывода Семиреченской области из Степного края и передачи ее в ведение Туркестанского генерал-губернаторства, вплоть до 1917 г. в ней продолжало действовать “Степное положение” 1891 г. Следовательно, им определялся правовой порядок административной ссылки, а не “Туркестанским положением” 1886 г. Это необходимо

¹ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета “Положение об управлении Туркестанского края”. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 6. Отд. 1. 1886 г. СПб., 1888, №3814. С. 321.

² Там же. Ст. 218, 219. С. 336.

³ См.: *Литвинов В.П.* О правовых основаниях применения царизмом административной ссылки мусульман Туркестанского края // Вестник КРСУ. 2009. Т. 9. №5. С. 129.

⁴ См.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 400 (Азиатская часть Главного штаба), оп. 1, д. 1182. О высылке в Сибирь административным порядком туземцев Туркестанского края вследствие приговоров народного суда. 240 л.

⁵ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета “Об отмене постановлений о высылке туземцев Туркестанского края из места жительства по приговорам народных судей”. 9 ноября 1888 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 8. Отд. 1. 1888 г. СПб., 1890. №5538. С. 533.

⁶ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета “Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями”. 25 марта 1891 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 11. Отд. 1. 1891 г. СПб., 1894. №7574. С. 136.

⁷ См.: Материалы политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, 1960. С. 383–386.

знать, поскольку многие полагают, что передача в 1882 г. Семиреченской области в ведение Степного генерал-губернатора автоматически привела к распространению на нее действия временного “Степного положения” 1868 г. И наоборот, возвращение Семиреченской области в состав Туркестанского края связывается с тем, что на нее сразу стали распространяться нормы “Туркестанского положения” 1886 г.

Однако не это представляется нам главным в контексте рассматриваемой проблемы. Мы хотели бы обратить внимание на то, что при внешней текстуальной схожести указанных выше статей Туркестанского и Степного “положений” в них есть и различие, на наш взгляд, весьма принципиальное. Важно учитывать, что согласно “Туркестанскому положению” 1886 г. генерал-губернатор при административной высылке “вредных” лиц должен был сноситься с военным министром и главой МВД. Степной генерал-губернатор должен был уведомлять о ссылке только министра внутренних дел. Мы находим это обстоятельство принципиальным потому, что с подчинением Семиреченской области власти туркестанских генерал-губернаторов правом административной ссылки, естественно, стали пользоваться последние. Безусловно, при высылке политически неблагонадежных аборигенов из Семиреченской области, они могли делать это на основании 17 статьи “Степного положения” 1891 г., по которому эта область, как отмечалось выше, продолжала управляться и после ее введения в состав Туркестанского края.

Однако Закон от 11 июня 1899 г. указывал, что туркестанскому генерал-губернатору “предоставляется разрешение в пределах закона вопросов, могущих возникать по применению действующих ныне в Закаспийской и Семиреченской областях положений и правил”¹. Но применение последних не было абсолютно легитимным, так как в статье 17 “Степного положения” 1891 г. говорилось об административной ссылке “инородцев”, тогда как в “Туркестанском положении”

1886 г. применительно к ней упоминаются “туземцы”. Следует ли считать это различие принципиальным? Конечно. Понятие “инородец” в то время было шире понятия “туземец”, поскольку к “инородцам” причислялись все нерусские, неправославные этносы, например татары, евреи, армяне и др. Но туркестанский генерал-губернатор по статье 15 положения 1886 г. мог высылать только “туземцев”, к каковым относились лишь мусульмане и среднеазиатские евреи, которые как коренные жители края имели, соответственно, “туземное” российское гражданство. Возникла правовая коллизия, так как по этой статье туркестанские генерал-губернаторы не могли действительно законным образом ссылать ни татар, ни евреев, ни армян, ни иных нерусских и неправославных жителей края, имевших гражданство на общегосударственных основаниях. Все они могли высылаться только на основании судебных решений. Таким образом, необходимость ссылки административным образом кочевников Семиреченской области постоянно порождала многочисленную переписку, согласования и прочую бюрократическую волокиту. С целью преодоления указанной коллизии, военное министерство вошло в Государственный совет с соответствующим представлением о внесении поправки (примечания) в статью 15 “Туркестанского положения” 1886 г. о том, что туркестанскому генерал-губернатору предоставляется право высылки “неблагонадежных” коренных жителей из Семиреченской области.

В 1903 г. Государственный совет рассмотрел это представление и вынес одобрительное “мнение”, которое было утверждено царем 1 декабря 1903 г.² С этого времени руководители Туркестанского края (генерал-губернаторства) получили полное право законно высылать из Семиреченской области кочевников. Однако “такая мера не носила всеобъемлющего характера, о чем свидетельствует то, что правом такой ссылки был наделен только генерал-губернатор, который, естественно, не пользовался им каждод-

¹ Высочайше утвержденное Положение Комитета министров “О гражданском переустройстве Среднеазиатских областей”. 11 июня 1899 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 19. Отд. 1. 1899 г. СПб., 1902. №17177. С. 710–711.

² Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета “О порядке удаления порочных инородцев областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской”. 1 декабря 1903 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23. Отд. 1. 1903 г. СПб., 1905. №23613. С. 1061.

невно и ежечасно, а лишь в виде крайне необходимой меры”¹. Анализ архивных материалов РГВИА, РГИА, ГАРФ² и других показывает, что административная ссылка кочевников Туркестана применялась реже, нежели коренных оседлых жителей региона – “сартов”. Объясняется это тем, что номады региона были меньше проникнуты духом исламистского фанатизма, побуждавшим “сартов” к антироссийским выступлениям в 1872, 1885, 1892, 1898 гг. Безусловно, после восстания 1916 г. в Туркестане примене-

¹ Литвинов В.П. Институт административной ссылки на национальных окраинах царской России: Туркестанский край (по архивным и правовым материалам) // Материалы науч.- практ. конф. юрид. факультета Елецкого гос. ун-та им. И.А. Бунина. Ч. 1. Елец, 2008. С. 72.

² Государственный архив Российской Федерации. По проблемам административной ссылки при царизме рекомендуем ознакомиться с фондом 102 (Департамент полиции МВД). – *Авт.*

ние административной ссылки кочевников как его активных участников могло бы стать весьма обширным, но крах царизма в 1917 г. воспрепятствовал этому.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что царизм применял административную ссылку кочевников Туркестана, но не по личному произволу региональных чиновников, а на основании конкретных нормативно-правовых актов. Долгое время ссылка осуществлялась на основании соответствующих решений кочевых судов биев. Борьба туркестанских руководителей за расширение их права административной ссылки имела успех лишь после принятия “Туркестанского положения” 1886 г. и “Степного” – 1891 г. в связи с ростом исламистских настроений и углублением общего кризиса царистской системы. Применение этого права не имело тотального распространения среди коренного населения региона, а носило относительно эпизодический характер, особенно среди кочевой его части.